

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО ДИАЛОГА ПО ВОПРОСАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Дмитрий Владимирович ГОРДИЕНКО

доктор военных наук, действительный член (академик) Академии военных наук, профессор кафедры государственного регулирования экономики, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация
gordienko@ane.ru

История статьи:

Принята 21.01.2016
Принята в доработанном виде
25.01.2016
Одобрена 29.01.2016

УДК 336.717

JEL: F50, F51, F53

Ключевые слова: региональная
безопасность, российско-
американский диалог,
глобальная безопасность

Аннотация

Тема. Статья посвящена перспективам российско-американского диалога по вопросам региональной безопасности. Политические события 2014 г. на западных границах России актуализировали практически для всех стран, включая Российскую Федерацию, проблему корректировки долговременного социально-политического и социально-экономического развития. Для России это означает, в частности, реализацию ее «евразийской миссии», а для российско-американского диалога – возможность создания предпосылок для обеспечения безопасности в различных регионах мира.

Цели. Анализ российско-американских отношений как основы для диалога по вопросам обеспечения региональной безопасности. Выявление направлений повышения его эффективности в интересах социально-политического и социально-экономического развития США, России и других государств мира.

Методология. В работе проведен анализ диалога России и США, перспектив российско-американских отношений, сценариев их развития до 2020 г., а также диалога по вопросам обеспечения региональной безопасности. С помощью методов политического анализа оценены перспективы обеспечения региональной безопасности в Европе, на Ближнем Востоке, в Центрально-Азиатском и Азиатско-Тихоокеанском регионах, на постсоветском пространстве и в Арктике.

Результаты. Предложен подход к оценке существующих моделей развития российско-американских отношений для решения вопросов обеспечения региональной безопасности в Европе, на Ближнем Востоке, в Центрально-Азиатском и Азиатско-Тихоокеанском регионах в современных условиях.

Выводы. Сделан вывод о том, что в условиях реализации Россией своей «евразийской миссии» остается приоритетной задача обеспечения региональной безопасности в Европе, на Ближнем Востоке, в Центрально-Азиатском и Азиатско-Тихоокеанском регионах, на постсоветском пространстве и в Арктике. Возможным основным инструментом обеспечения региональной безопасности в современных условиях может стать диалог России и США.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

В США 8 ноября 2016 г. пройдут выборы президента страны. Борьба с терроризмом на Ближнем Востоке, разрешение иранской ядерной проблемы, реализация ряда совместных космических проектов дают основание для надежды на активизацию российско-американского диалога по вопросам региональной безопасности. Однако неудачи всех предшествующих попыток российско-американского диалога по вопросам региональной безопасности позволяют предположить, что проблемы в двусторонних отношениях вызваны рядом глубинных причин, а высокий уровень конфликтности в российско-американском взаимодействии обусловлен наличием системных противоречий.

Развитие российско-американского диалога по вопросам региональной безопасности

Развитие российско-американского диалога по вопросам региональной безопасности на

протяжении всей истории существования «новой» России во многом зависело от разрешения системных противоречий между двумя государствами. Недолгие периоды «сближения» России и США были связаны с диалогом в стратегической сфере; периоды «расхождения» – с невозможностью договориться о правилах ревизии стратегической стабильности [1–4].

Первая попытка российско-американского сближения охватывала период 1991–1993 гг. После распада Советского Союза российское руководство во главе с Б.Н. Ельциным хотело добиться: признания России в границах РСФСР 1991 г.; вывоза ядерного оружия (ЯО) с территории республик бывшего СССР; получения международного признания в борьбе с Верховным Советом. В рамках Кэмп-Дэвидской декларации (3 февраля 1992 г.)¹ президенты Б.Н. Ельцин и

¹ 31 января – 1 февраля 1992 г. Борис Ельцин впервые посетил США в ранге Президента Российской Федерации.

Дж. Буш-старший заявили о намерении построить «союз новых партнеров». В Вашингтонской хартии (17 июня 1992 г.)² фиксировалось намерение сторон построить «общую систему безопасности от Ванкувера до Владивостока». Но США были готовы поддержать Б.Н. Ельцина только при условии глубокого сокращения советского военного (прежде всего ядерного) потенциала. Именно поэтому после решения ряда ситуативных задач в двусторонних отношениях начал накапливаться конфликтный потенциал. «Малая конфронтация» России и США конца 1990-х гг. стала закономерным результатом взаимного разочарования сторон друг в друге³ [5–8].

Вторая попытка сближения охватывала период 2001–2003 гг. В его основе лежала необходимость предотвратить коллапс системы контроля над вооружениями. Такая угроза стала реальностью после отказа России ратифицировать Договор СНВ-2⁴ и объявления администрацией У. Клинтона о намерении выйти из Договора по ПРО. Психологическим фоном для переговоров стало взаимодействие сторон в рамках антитеррористической операции в Афганистане на рубеже 2001–2002 гг.⁵

В мюнхенской речи 10 февраля 2007 г. президент В.В. Путин заявил, что в случае развертывания «третьего позиционного района ПРО» и продолжения расширения НАТО на Восток Москва может принять ответные меры военного характера. Последующие полтора года между сторонами шла встречная эскалация по проблемам ПРО и ДОВСЕ. «Пятидневная война» вокруг Южной Осетии (август 2008 г.) с вовлеченностью в нее России и США стала финалом «малой» конфронтации конца 2000-х годов⁶ [9–13].

Третья попытка сближения охватывает так называемый период «перезагрузки» 2009–2011 гг.⁷ В ее основе лежали объективные причины: 1) опасность коллапса режима контроля над вооружениями; 2) необходимость снижения

² 15–19 июня 1992 г. состоялся государственный визит президента РФ Бориса Ельцина в США.

³ Гордиенко Д.В. Шанхайская организация сотрудничества как площадка для диалога по вопросам региональной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 37. С. 44–66; Гордиенко Д.В. Политические средства обеспечения военной безопасности // Государство и право. № 8, 2008. С. 78–81.

⁴ 2–3 января 1993 г. президент США Джордж Буш-старший посетил Москву. По итогам встречи с российским лидером Борисом Ельциным был подписан Договор между РФ и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2).

угрозы военного столкновения России и США и 3) стремление администрации Б. Обамы выяснить, на каких условиях Москва готова к крупному сокращению стратегического потенциала.

На протяжении первых полутора лет политика «перезагрузки» была относительно успешной. России и США удалось заключить Договор СНВ-3 (Пражский договор) и ввести в действие Соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии (Соглашения 1, 2, 3). Стороны расширили сотрудничество по Афганистану – вплоть до создания в Ульяновске транспортно-логистического центра для транзита натовских грузов.

США приостановили процесс расширения НАТО на постсоветское пространство и развертывание «третьего позиционного района» ПРО на территории Польши и Чехии. Москва стала

⁵ Москва согласилась с выходом США из Договора по ПРО и запустила совместные с НАТО программы по развитию систем ПВО и ПРО ТВД. Администрация Дж. Буша-младшего со своей стороны подписала с Россией Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) (2002 г.) и Московскую декларацию о стратегическом партнерстве, в соответствии с которой обязалась консультироваться с Москвой по всем вопросам развертывания систем ПРО. Но провозглашенная администрацией Дж. Буша-младшего стратегия «односторонних действий» вызывала опасения в Москве. В российско-американских отношениях стала нарастать конфронтация.

⁶ Дынкин А.А., Бароуз М. Опасность политического догматизма // Российская газета, 16.12.2015. № 284 (6855); Ежегодник СИПРИ 1997. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Научное издание. М.: Наука, ИМЭМО РАН, 1997. 479 с.; Ежегодник СИПРИ 2007. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Научное издание. М.: ИМЭМО РАН, 2008. 894 с.; Ежегодник СИПРИ 2008. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Научное издание. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 780 с.; Ежегодник СИПРИ 2009. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Научное издание. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 766 с.; Ежегодник СИПРИ 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Научное издание. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 733 с.; Ежегодник СИПРИ 2011. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Научное издание. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 768 с.; Ежегодник СИПРИ 2012. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Научное издание. М.: ИМЭМО РАН, 2013. 770 с.; Ежегодник СИПРИ 2013. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Научное издание. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 792 с.; Ежегодник СИПРИ 2014. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Научное издание. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 764 с.

⁷ Так называемая «перезагрузка» была инициирована в начале 2009 г. Президентом России Д.А. Медведевым и президентом США Б.Х. Обамой и пришла на смену острой фазе противостояния США и России. Более подробно см., напр., Фесенко А. Перспективы развития российско-американских отношений. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1529#top-content

взаимодействовать с США по вопросам ядерной программы Ирана, а Вашингтон снизил степень американского вмешательства во внутривнутриполитические процессы в странах СНГ, прежде всего на Украине.

Однако к середине 2010 г. в политике «перезагрузки» наметились проблемы. Параллельно на протяжении 2011–2012 гг. в российско-американских отношениях назревал комплекс противоречий, вызванный: отказом России начать переговоры по сокращению тактического ядерного оружия (ТЯО) в Европе; недовольством российской стороны операцией НАТО в Ливии; расхождением позиций Москвы и Вашингтона по Сирии; активизацией с осени 2011 г. политики США в Центральной Азии; обострением гуманитарных проблем вроде «дела Магнитского» и «дела Бута».

Следует отметить, что на период до 2020 г. общая среда российско-американских отношений будет оставаться конфликтной. Наиболее серьезные проблемы сосредоточены в области стратегической стабильности и связанной с ней проблематикой нераспространения ядерного оружия. Менее значимыми (но не менее конфликтными) будут международно-правовые и энергетические проблемы. Ситуация осложняется тем, что у России и США нет комплекса стабилизирующих экономических связей, как, например, в американо-китайских отношениях. Единственным стабилизирующим фактором российско-американских отношений остается система военно-стратегического паритета. Его поддержание требует, однако, модернизации российского ракетно-ядерного потенциала, что неизбежно создаст новые конфликтные узлы во взаимоотношениях Москвы и Вашингтона [14–24].

Перспективы развития российско-американских отношений по вопросам обеспечения региональной безопасности

У России и США по-прежнему сильны разногласия на региональном уровне, многие из которых унаследованы от периода холодной войны. Именно в регионах опасность российско-американского военного столкновения при определенных условиях может усилиться к началу 2020-х гг. Вместе с тем на региональном уровне есть ряд стабилизирующих обстоятельств, которые могут создать условия для российско-американского конструктивного взаимодействия.

Обеспечение региональной безопасности в Европе. Наибольшие противоречия у России и США

сохраняются в Европе. Ведущей организацией зарубежной Европы остается военно-политический блок НАТО, основанный на системе американского присутствия на континенте и предоставлении американских гарантий безопасности европейским союзникам.

Между Россией и НАТО возникает «дуга нестабильности» – спорное пространство от Мурманска до Нагорного Карабаха с замороженными или латентными этнополитическими конфликтами. На протяжении последних 50 лет в Евroatлантике соперничали два подхода к обеспечению безопасности. Сегодня Москва стремится ограничить Вашингтон комплексом соглашений, призванных: 1) снизить свободу США в вопросах применения силы; 2) создать механизм совместного обсуждения Россией и НАТО проблем европейской безопасности и 3) зафиксировать систему обязательств России и НАТО на случай конфликта с третьими странами.

Именно в регионах опасность российско-американского военного столкновения при определенных условиях может усилиться к началу 2020-х гг. В частности, в Вашингтоне опасаются, что посредством подобных соглашений Москва попытается подорвать гарантии Соединенных Штатов перед странами Западной Европы и, в конечном счете весь механизм НАТО.

Напомним, что к началу 2010-х гг. в Европе наметился кризис «евroatлантизма». В странах ЕС происходит ренессанс трансатлантических отношений.

Во-первых, Франция при президенте Николя Саркози (2007–2012 гг.) отказалась от концепции *голлизма* как основы внешней политики. После ливийской войны 2011 г. ведущая роль в ЕС перешла от франко-германского к франко-британскому тандему, который более связан с Вашингтоном, чем с проектом Общеввропейской политики безопасности и обороны (ОЕПБО). Новый расклад сил в зарубежной Европе усилил конфликтный потенциал в российско-американских отношениях⁸.

⁸ 11 марта 2015 г. Россия полностью приостановила действие Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), подписанного в 1990 г. и адаптированного в 1999 г., который в новом варианте устанавливал систему квот национальных и территориальных лимитов по размещению на территории государств боевой техники других стран, но не выше оговоренного уровня. В настоящее время к конфликтным факторам можно отнести: стремление США участвовать в урегулировании военно-политических конфликтов на постсоветском пространстве; продолжение

Во-вторых, ослаб запущенный в 1996 г. проект «европейской оборонной идентичности». Летом 2011 г. был распущен Западноевропейский союз (ЗЕС), который планировалось заменить ОЕПБО. Но страны ЕС пока не сумели согласовать параметры европейских миротворческих сил. Реальной военной основой ЕС становятся франко-британские соглашения 2010 г.

До 2020 г. напряженность между Россией и США в Европе будет возрастать под воздействием трех обстоятельств: 1) после отказа Франции от политики голлизма российская сторона лишилась влиятельного посредника в российско-американских отношениях, каким традиционно выступал Париж; 2) в России усилилось разочарование в ОБСЕ как площадке переговорного процесса; 3) США не отказались от проектов расширения НАТО на постсоветском пространстве.

Провал переговоров по российскому проекту Договора о европейской безопасности (ДЕБ) доказал, что России и США пока не удалось выработать новые правила взаимодействия в Европе [9–13].

Обеспечение региональной безопасности на Ближнем Востоке. В ответ на российскую операцию в Сирии США предприняли попытки перехватить инициативу в борьбе с террористической группировкой «Исламское государство»⁹. Свои главные усилия Вашингтон сосредоточил на Ираке, куда с незапланированным

политики расширения сферы ответственности НАТО; развертывание США систем ПРО в зарубежной Европе; отсутствие механизмов диалога России и НАТО о сокращении тактического ядерного оружия (ТЯО); отсутствие адекватной замены ДОВСЕ; включенность британского ядерного потенциала в американскую систему ядерного планирования; нежелание Британии и Франции присоединиться к советско-американскому Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г.; сохранение конфликтного потенциала в отношениях России со странами Центральной и Восточной Европы, вызванного в том числе историческим наследием.

⁹ Исламское государство (ИГ) – непризнанное государство и международная исламистская суннитская террористическая организация, действующая преимущественно на территории Сирии (частично контролируя ее северо-восточные территории) и Ирака (частично контролируя территорию «суннитского треугольника») фактически с 2013 г. как непризнанное квазигосударство (провозглашенное как всемирный халифат 29 июня 2014 г.) с шариатской формой правления и штаб-квартирой (фактически столицей) в сирийском городе Эр-Ракка. Помимо Сирии и Ирака, ИГ или подконтрольные ему группировки также участвуют в боевых действиях в Афганистане, Пакистане, Ливии, Египте, Йемене, Нигерии, ведут террористическую деятельность в некоторых других странах. Организация запрещена в России и ряде стран.

визитом прибыл новый глава Комитета начальников штабов вооруженных сил США Дж. Данфорд. В его задачу входила разработка дальнейшей стратегии наступления на позиции исламистов, которое при поддержке авиации США ведут иракские войска и отряды иракских курдов¹⁰.

При этом активность американских военных в Ираке сопровождалась попытками помешать сближению Москвы и Багдада – Вашингтон напоминал иракскому руководству о его союзнических обязательствах перед США.

В условиях возросшего американского давления иракскому руководству становится все сложнее балансировать между Москвой и Вашингтоном. Тем не менее сворачивать сотрудничество с Россией Багдад не намерен¹¹.

30 сентября 2015 г. началась российская военная операция в Сирии, а 20 октября 2015 г. был подписан меморандум между ВС РФ и Пентагоном, регламентирующий действия военной авиации сторон в небе над Сирией.

Авиация ВКС РФ наносила удары по сотням объектов террористов «Исламского государства», однако на международной арене эти действия приветствовались далеко не всегда и не всеми.

Для координации действий Россия, Сирия, Ирак и Иран создали информационный центр, дислоцирующийся в Багдаде; его основные функции заключаются в сборе, обработке, обобщении и анализе текущей информации об обстановке в регионе. Возглавили центр офицеры вооруженных сил четырех стран.

Российские власти неоднократно подчеркивали, что военная операция РФ в Сирии абсолютно легальна, поскольку проводится по просьбе легитимного главы государства, в то время как США, Франция, Турция и иные страны наносят удары по сирийским территориям без каких-либо юридических оснований. Говорить о полноформатном сотрудничестве сейчас очень сложно, поскольку США ставят перед собой

¹⁰ При поддержке американских ВВС активное участие в наступлении вместе с регулярной армией принимают подразделения иракских курдов. В Вашингтоне не скрывают, что делают ставку на курдов, готовых сотрудничать с США и до последнего времени не поддерживавших идею российской операции в Ираке. Именно этим обстоятельством и объясняется встреча генерала Данфорда с Масудом Барзани.

¹¹ Накануне приезда Дж. Данфорда иракский премьер Хайдер аль-Абади встретился с послом РФ И. Моргунковым, подтвердив заинтересованность в «установлении более тесных отношений» с Москвой.

целью не столько борьбу с «Исламским государством», сколько смещение Б. Асада. Однако небольшие подвижки все же есть: например, сторонами согласованы все технические вопросы по обеспечению безопасности полетов над Сирией, кроме того, российская сторона по-прежнему рассчитывает на получение данных американских военных, в которых называются координаты и обозначается расположение как боевиков, так и жилых районов.

Несмотря на смягчение риторики Вашингтона в адрес Москвы относительно действий российской авиации в Сирии, между США и Россией существуют определенные противоречия относительно целей военных действий на Ближнем Востоке¹² [7].

Обеспечение региональной безопасности в Центральной Азии. Российско-американские отношения в Центральной Азии строятся на основе пересечения двух, на первый взгляд, противоположных тенденций. *Первая тенденция* связана с общими интересами США и России в Центральной Азии. Россия поддерживает антитеррористическую борьбу США в Афганистане и оказывала этой борьбе материально-техническую поддержку¹³. США и Россия занимали единую позицию при разрешении иранской ядерной проблемы¹⁴.

Вторая тенденция связана с опасениями Москвы относительно того, что Вашингтон выстроит самостоятельную систему отношений с бывшими среднеазиатскими республиками СССР и подорвет механизмы ШОС и ОДКБ. Ситуация осложняется отсутствием взаимного признания между НАТО и ОДКБ, что приводит к фактическому соперничеству в регионе двух военно-политических блоков.

¹² Главная цель США – свержение режима Б. Асада и ведение боевых действий только против «Исламского государства». Для России остается принципиальной защита законно избранного сирийского режима, права народов самим решать свою судьбу и борьбы против всех террористических группировок. Более подробно см., напр., *Багдасаров С.* Впереди – «сражение» за курдов // Российская Федерация сегодня. № 1, 2016. С. 26–28.

¹³ На Лиссабонском саммите НАТО 20–21 ноября 2010 г. было принято решение о выводе военного контингента альянса из Афганистана в 2014 г., которое было реализовано.

¹⁴ 15 июля 2015 г. Иран и страны «шестерки» (США, Франция, Великобритания, Германия, Китай и Россия) достигли соглашения по иранской ядерной программе в обмен на отмену санкций против Ирана. По соглашению Иран должен допустить инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты; страны Запада, в свою очередь, будут поэтапно снимать с Ирана санкции.

Новый взгляд Вашингтона на роль Центральной Азии был закреплён в Стратегии национальной безопасности США 2015 г. (СНБ-2015). В этом документе постулируются три основы центральноазиатской политики США. *Во-первых*, Вашингтон на обозримую перспективу намерен сохранить свое присутствие в Центральной Азии. *Во-вторых*, наличие военной инфраструктуры в Центральной Азии позволяет США решать комплекс военно-политических задач – от борьбы с транснациональным терроризмом до ограничения ресурсов России и «сдерживания» КНР. *В-третьих*, ни Ташкентский договор 1992 г., ни ШОС не препятствуют США выстраивать свою систему отношений с центральноазиатскими государствами.

Эта система может совпадать, а может и не совпадать с интересами России и КНР. Соединенные Штаты вновь, как и в 2002–2003 гг., пытаются выстроить комплекс самостоятельных военно-политических (а в идеале и энергетических) связей с центральноазиатскими государствами. Такая политика призвана размыть особый характер ШОС как первой организации обеспечения региональной безопасности без участия США. В ближайшие 10 лет наибольшие опасения России в Центральной Азии будет, по-видимому, вызывать опасность повторения «сценария 2002 года»¹⁵.

Если администрация Дж. Буша-младшего делала ставку на индуцирование кризиса в ШОС и смену центральноазиатских элит, что порождало недоверие к американской политике в Центральной Азии, то администрация Б. Обамы действует более осторожно, что повышает шансы США на выстраивание партнерских отношений со странами Центральной Азии [5, 6, 12].

Обеспечение региональной безопасности в Северо-Восточной Азии. К 2020 г. возрастающую роль в российско-американском взаимодействии будет играть Северо-Восточная Азия и – шире – международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Стержнем этих отношений выступает американско-китайское и американско-северокорейское противостояние. В 2006 г. США ввели политические и

¹⁵ Весной 2002 г. администрация Дж. Буша-младшего стала «зондировать» возможность вступления или предоставления США статуса ассоциированного члена ШОС. Предложения Белого дома поставили ШОС на грань кризиса. Узбекистан поддерживал американские предложения. Китай выступил против подключения Вашингтона к ШОС. Только выведя за скобки вопрос об американском присутствии, страны ШОС приняли Устав организации на Санкт-Петербургском саммите 7 июня 2002 г.

экономические санкции против КНДР¹⁶, а с середины 2010 г. перешли к обновленной политике «сдерживания Китая»¹⁷.

Региональная политика России остается двойственной. Основой российской политики остается стратегическое партнерство с КНР в формате «Большого договора» 2001 г. Визит премьер-министра В.В. Путина в Пекин 10–11 октября 2011 г. подтвердил намерение обеих сторон расширять его формат.

В настоящее время администрация Б. Обамы пытается вести игру на ослабление российско-китайского стратегического партнерства. Соединенные Штаты на протяжении 2009 г. предлагали КНР концепцию «группы двух» как привилегированного американо-китайского партнерства.

Кроме того, у России и США сохраняются территориальные противоречия¹⁸. Новой проблемой для российско-американских отношений может стать поощрение США перераспределения полномочий между федеральным центром и дальневосточными регионами России¹⁹. Потенциальный комплекс российско-американских противоречий может

¹⁶ В конце сентября 2006 г. на подпись президенту США Дж. Бушу был направлен законопроект, одобренный обеими палатами американского конгресса. Законопроект вводил санкции против Северной Кореи и сотрудничающих с ней компаний, которые, по мнению США, оказывают содействие КНДР в распространении оружия массового уничтожения (ОМУ), ракет и иных технологий доставки ОМУ. Санкциями также предусматривался запрет на финансовые операции и отказ в выдаче экспортных лицензий.

¹⁷ Политика «сдерживания Китая» включает в себя несколько направлений: возрождение созданного в 1951 г. военного союза АНЗЮС (США, Австралия и Новая Зеландия); выстраивание системы нового присутствия США в Индокитае, прежде всего за счет военного партнерства с Вьетнамом и усиления американского контроля за Малаккским проливом; расширение военного партнерства США с Индией; выстраивание нового объединения Транстихоокеанское партнерство (ТТП), призванного в том числе размыть особый характер отношений внутри АСЕАН. Одновременно в 2010 г. эксперты Института Брукинга разработали концепцию «Северной альтернативы АСЕАН» (*Northern Alternative of ASEAN*) – гипотетической организации с участием США, Канады, Южной Кореи и, возможно, Японии. Более подробно см., напр., *Фесенко А.* Перспективы развития российско-американских отношений. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1529#top-content

¹⁸ Россия не ратифицировала соглашение 1990 г. о разделе спорных участков Берингова моря. В свою очередь США и Япония не признают за Охотским морем статус территориального моря России. Неразделенными остаются шельфовые зоны Берингова пролива, где граница определена российско-американским соглашением 1867 г. (Последнее было выработано задолго до принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и не отражает его).

сложиться и вокруг АТЭС. Администрация Б. Обамы также настороженно относится к реализации предложенного Россией в октябре 2011 г. проекта Евразийского союза. Уместно ожидать попыток США косвенно противодействовать этим инициативам.

США могут оказать поддержку подобным тенденциям за счет: *во-первых*, выдвижения инициатив по самостоятельному вступлению российского Дальнего Востока в различные интеграционные объединения на Тихом океане и, *во-вторых*, попыток начать переговоры с дальневосточными регионами России о разрешении территориальных споров. На период до 2020 г. наиболее опасным для России было бы выстраивание Соединенными Штатами самостоятельных отношений с регионами при минимальном участии федерального центра в этом процессе [6, 8, 21–24].

Обеспечение региональной безопасности на постсоветском пространстве. Отношения России с Соединенными Штатами на территории бывшего СССР отличаются высокой степенью прогнозируемости²⁰.

Так, администрация Б. Обамы настороженно относится к реализации предложенного Россией в октябре 2011 г. проекта Евразийского союза²¹. Уместно ожидать попыток США косвенно

¹⁹ Перенос части столичных функций в один из городов Дальнего Востока может вызвать дискуссии о переустройстве Российской Федерации по конфедеративному принципу. Хотя на официальном уровне Вашингтон пока не ставит вопрос о прямых контактах США с дальневосточными регионами Российской Федерации, но американские эксперты обсуждают возможность участия дальневосточных регионов России в АТЭС отдельно от остальной России, имея в виду, что членами АТЭС выступают не государства, а экономики.

²⁰ С конца 1993 г. Белый дом независимо от партийной принадлежности администрации стремился: поддерживать «геополитический плюрализм» в Евразии (т.е. независимость и территориальную целостность бывших республик СССР); развивать самостоятельный диалог с республиками бывшего Советского Союза независимо от позиции Москвы; поощрять проекты экспорта углеводородов по независимым от России маршрутам; препятствовать реализации интеграционных проектов, в центре которых находится Россия.

²¹ Евразийский Союз (ЕАС) – название гипотетического конфедеративного союза государств постсоветского пространства с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством. Часто в СМИ термин «Евразийский Союз» некорректно применяют как сокращенный вариант названия Евразийского экономического союза (ЕАЭС), но эти проекты различны по степени интеграции. В 2013 г. политические лидеры Белоруссии и Казахстана сообщили, что они не имеют планов создания Евразийского Союза и выступают исключительно за экономическую интеграцию, предусматривающую сохранение суверенитета.

противодействовать этим инициативам. На период до конца 2016 г. ключевыми инструментами здесь могут выступать: *во-первых*, поддержка Вашингтоном политиков, нацеленных на дистанцирование от России, и, *во-вторых*, расширение взаимодействия НАТО и ЕС (при прямой или косвенной поддержке США) военно-политического взаимодействия республик бывшего СССР со структурами НАТО и ЕС.

После выборов Президента США 2016 г. политика Вашингтона на «постсоветском пространстве» подвергнется переосмыслению: она будет определяться успехами или неудачами интеграционного проекта «Евразийский союз»²² [6].

Обеспечение региональной безопасности в Арктике. В Арктическом регионе российско-американские отношения до 2020 г. будут оставаться конфликтными²³. Ситуация осложняется тремя обстоятельствами. *Во-первых*, дискуссия о переделе Арктики происходит между пятью арктическими державами, четыре из которых – члены военно-политического блока НАТО, а Норвегия, Дания и Канада являются союзниками США по Вашингтонскому договору 1949 г. Соединенные Штаты могут иметь с ними территориальные противоречия, однако они (в отличие от противоречий с Россией) не имеют военно-политической подоплеки. *Во-вторых*, квазиэкологические концепции рассматриваются в Вашингтоне как инструмент интернационализации Северного Ледовитого океана и, следовательно, сокращения акватории действия Северного флота ВМФ России²⁴. *В-третьих*, арктические споры

²² Гордиенко Д.В. Шанхайская организация сотрудничества как площадка для диалога по вопросам региональной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 37. С. 44–66.

²³ Между сторонами существует объективное противоречие. Россия выступает за сложившуюся в 1920-х гг. секторальную систему раздела Арктики. Соединенные Штаты выступают за интернационализацию Северного Ледовитого океана и отказа от секторального деления. Россия стремится закрепить за собой советский арктический сектор через признание части подводных хребтов Ломоносова и Менделеева продолжением Сибирской континентальной платформы. Вашингтон, как следует из текста *Региональной политики США в Арктике* (2009 г.), будут противодействовать этому процессу. Более подробно см., напр., *Фесенко А.* Перспективы развития российско-американских отношений. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1529#top-content

²⁴ США, Норвегия и Швеция никогда не признавали эксклюзивных прав России на Северный морской путь. Развитие «общих экологических проектов» видится из Вашингтона, Осло и Стокгольма как косвенное согласие России на пересмотр статуса этой транспортной артерии.

связаны с дискуссиями о перспективах развития российских и американских стратегических ядерных сил (СЯС), прежде всего – баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ)²⁵. Эти факторы до 2020 г. будут с высокой долей вероятности определять развитие российско-американских отношений в Арктике.

Новый формат российско-американскому взаимодействию в Арктике может придать Мурманский договор между Россией и Норвегией 2010 г.²⁶ Этот документ доказал, *во-первых*, возможность ведения диалога России с другими арктическими странами без участия США; *во-вторых*, ограниченность формата взаимодействия России с арктическими союзниками США²⁷; *в-третьих*, допустимость использования США территориальных уступок Москвы как прецедента для разрешения российско-американских пограничных споров.

К стабилизирующим факторам российско-американских отношений в Арктике можно отнести: 1) предельную сложность климатических условий Северного Ледовитого океана и 2) наличие у США территориальных противоречий с Данией и Канадой. Позитивную роль могут сыграть совместные российско-американские проекты глубоководного бурения для Северного Ледовитого океана [1, 17].

²⁵ США стремятся девальвировать мощь Северного флота ВМФ России, который выступает основой морской компоненты российских СЯС. Союзники США поддерживают Вашингтон в этом устремлении.

²⁶ Еще с 1970 г. существует территориальный спор о границе между государствами в Баренцевом море. Суть его сводится к тому, что Россия проводила границу вдоль побережья острова Шпицберген, Норвегия же полагала, что граница должна находиться равноудаленно от Шпицбергена, с одной стороны, и Земли Франца-Иосифа и острова Новая Земля – с другой. Поскольку государства находились в дружественных отношениях, спор о границе редко вытекал в какие-либо акции, изредка происходили задержания российских рыболовецких судов. Однако в дальнейшем спор обострился, так как в Баренцевом море, в том числе и на спорных территориях, были обнаружены запасы углеводородов. В апреле 2010 г. стороны пришли к соглашению, что новая делимитационная линия разделит спорную территорию на две равные части, окончательно 40-летний спор был урегулирован 15 сентября 2010 г. после подписания договора «О разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане» передачей 90 тыс. км² в пользу Норвегии.

²⁷ Норвегия, несмотря на раздел спорных районов Баренцева моря и уступок Москвы по Шпицбергену, не признала Северный морской путь (СМП) внутренней транспортной артерией России.

Сценарии развития российско-американских отношений до 2020 г. и перспективы диалога по вопросам обеспечения региональной безопасности

Развитие тенденций российско-американских отношений позволяет сделать вывод об исчерпании модели «навязанного консенсуса» как основы двусторонних отношений. Эта модель, сложившаяся в первой половине 1990-х гг., предполагала развитие российско-американского взаимодействия на основе повестки дня, выработанной при определяющей роли США. Эта модель исчерпала себя в 2007–2008 гг.

Попытка администрации Б. Обамы возродить ее в рамках политики «перезагрузки» не принесла результатов и столкнулась с противодействием Москвы. К концу 2012 г. двусторонние отношения независимо от итогов предстоящих президентских выборов в США вошли в стадию определения будущего формата отношений. Здесь возможны три варианта.

Сценарий «малой конфронтации» сведет российско-американские отношения до уровня контактов о снижении военной напряженности и возобновлении диалога по военно-политическим проблемам [3, 10, 13, 15, 18].

Сценарий «Малая конфронтация». Модель «малой конфронтации» предполагает окончательное свертывание результатов политики «перезагрузки»²⁸, возвращение к конфронтационной риторике, модернизацию ракетно-ядерных потенциалов России и США и высокий уровень региональной конфликтности. Вероятность подобного развития событий достаточно высока.

Потенциал российско-американской конфликтности в стратегической сфере остается также высоким. В определенной степени он даже выше, чем был в советско-американских отношениях 1960-х и 1970-х гг. *Во-первых*, Россия и США подошли к критическим потолкам сокращения СЯС – до 1 550 ед. оперативно-развернутых боезарядов у каждой из сторон. Дальнейшее снижение потолков (ниже 1 000 ед. боезарядов) может сделать возможным нанесение

разрушающего удара по стратегическим силам одной из сторон.

Во-вторых, за минувшие 20 лет Россия и США обновляли свои СЯС намного медленнее, чем в 1970-х и 1980-х гг. Потенциал для вывода из строя ядерных систем будет намного меньше, чем это было до 2009 г.

В-третьих, сужаются возможности для достижения компромисса по ПРО. Вашингтон выделяет крупные средства на реализацию этого проекта, а американский бизнес получает крупные военные заказы. Американцы не видят, на какую крупную уступку со стороны Москвы они могли бы разменять возможное соглашение по ПРО.

В-четвертых, Россия при угрозе быстрого наращивания потенциала американской ПРО может пойти на выход из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г.²⁹

Приоритетными задачами станут сохранение Договора СНВ-3 и выработка мер предотвращения конфликтов. И Россия, и США будут заинтересованы в посреднике, которым традиционно была Франция.

В настоящее время такой посредник в Европе отсутствует. Возможно, им станет британская дипломатия по мере расширения военно-политической самостоятельности Лондона от Вашингтона. В этом случае для России многократно возрастет ценность британского направления [2–4, 13, 15].

«Стагнационный сценарий». Такой путь развития двусторонних отношений основан на замораживании современных тенденций. В настоящее время «стагнационный сценарий» выступает наиболее реалистичным вариантом развития двусторонних отношений. Ракетно-ядерный паритет служит стабилизирующей основой российско-американских отношений. На период до 2016–2017 гг. Москва и Вашингтон будут наблюдать за способностью друг друга развернуть систему ПРО и провести модернизацию СЯС. После этого (примерно к 2018 г.) элиты обеих стран будут действовать

²⁸ В первых числах марта 2014 г., с резким обострением отношений между двумя странами в связи с так называемым Крымским кризисом, госсекретарь Дж. Керри отметил в телеинтервью, что «перезагрузка» осталась в прошлом: «Мы вошли в другую фазу отношений с Россией». Более подробно см., напр., *Фесенко А.* Перспективы развития российско-американских отношений. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1529#top-content

²⁹ Итогом может стать воссоздание системы 1980-х гг.: противостояние в Европе на базе ракет средней и меньшей дальности. Для такой системы будет характерно предельно малое подлетное время к целям на территории России и стран ЕС и высокая вероятность возникновения регионального конфликта с использованием ядерного оружия. Более подробно см., напр., *Фесенко А.* Перспективы развития российско-американских отношений. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1529#top-content

исходя из наличия или отсутствия ракетно-ядерного паритета³⁰.

Наиболее серьезным узлом противоречий станет, по-видимому, Центральная Азия. Вашингтон с высокой степенью вероятности будет пытаться размыть роль ШОС и ОДКБ³¹.

В настоящее время «стагнационный сценарий» выступает наиболее реалистичным вариантом развития двусторонних отношений. Ракетно-ядерный паритет служит стабилизирующей основой российско-американских отношений [2–4, 13, 15].

Позитивный сценарий. Основой позитивного сценария может стать выработка «кодекса поведения» сторон по четырем направлениям: 1) обязательства на случай конфликта с третьими странами; 2) повестка переговоров по контролю над вооружениями в Европе; 3) нормы диалога между НАТО и ОДКБ и 4) определение проблем безопасности в Центральной Азии. Реализация этих мер может придать необходимую позитивную повестку для отношений Москвы и Вашингтона³².

Позитивный сценарий в настоящее время наиболее сложен для реализации. Российско-американские отношения на 80% связаны с проблемами контроля над вооружениями. Без соглашения по ПРО российская сторона не пойдет на подписание новых соглашений по СНВ. Именно поэтому России и США следует найти развязку наиболее сложных проблем на достратегическом уровне. России и США нужно начать диалог по проблеме тактического ядерного оружия (ТЯО), которая возрождает дискуссии по германскому вопросу³³.

³⁰ Серьезным испытаниям этот сценарий подвергнется и в 2018–2020 гг. Договор СНВ-3 не предусматривает промежуточных сроков сокращения СЯС. Теоретически одна из сторон может заявить о намерении не проводить основные сокращения поэтапно, а перед началом сокращений выйти из СНВ-3. В такой ситуации ей удастся сохранить СЯС на уровне 2010 г. Это даст России или США преимущества в случае коллапса СНВ-3.

³¹ Достижение этой проблемы возможно двумя путями. Первый путь – широкая поддержка оппозиции в странах Центральной Азии, второй – интеграция США в структуры ШОС. В обоих случаях речь может идти о росте неустойчивости в этом регионе.

³² В противном случае Россия и США могут повторить негативный опыт 1970-х гг., когда проблемы контроля над вооружениями в Европе фактически сорвали политику разрядки.

³³ С 2009 г. Берлин последовательно выступает за вывод американского ТЯО из Европы, что ставит вопрос о характере будущей политики ФРГ. Московский договор 1990 г. снял с Германии остатки оккупационного статуса, но он сохранил введенные Боннским договором 1952 г. запреты на проведение референдумов по военно-политическим

России и США также важно начать диалог по проблеме развертывания американских систем ПРО в Европе. Кроме того, России и США следует выработать правила военного взаимодействия в Европе и на Ближнем Востоке.

К этой группе проблем примыкает вопрос о выработке Россией и США комплекса взаимных обязательств на случай конфликта с третьими странами³⁴.

Для России и США важно также определить стратегию переговоров в отношении Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Менее ясны перспективы российско-американского диалога в других регионах. Однако потенциал для создания подобных механизмов диалога у сторон имеется³⁵.

Все эти направления сотрудничества двух стран предполагают возможность организации широких переговоров по проблемам региональной безопасности [2–4, 10].

Заключение

Итак, в российских и американских СМИ уже два года муссируется тезис о кризисе политики «перезагрузки». Отказ Соединенных Штатов идти на компромиссы по ПРО, сохраняющиеся трения вокруг Ирана, Сирии и Грузии, поддержка Вашингтоном Японии в территориальном споре с Россией осуждение госдепартаментом США итогов парламентских и президентских выборов в России, свертывание деятельности американских гуманитарных организаций – все это симптомы более глубокой проблемы. Повестка российско-

проблемам, на требование вывода иностранных войск до подписания мирного договора, на развитие ряда компонентов вооруженных сил и на принятие внешнеполитических решений без консультации с державами-победительницами. Россия и США могут вернуться к проблеме заключения мирного договора с Берлином и восстановления полноценной правосубъектности Германии в военной сфере.

³⁴ В период биполярной конфронтации подобные обязательства были зафиксированы в Соглашении по предотвращению ядерной войны 1973 г. При М.С. Горбачеве ее положения были расширены в рамках Венских соглашений о мерах доверия 1989–1990 гг. После 1991 г. Россия и США избегали этой проблемы как пережитка холодной войны. Конфликт вокруг Южной Осетии доказал, что этот оптимизм был преждевременным.

³⁵ В частности, на Ближнем Востоке одной из основных задач может стать совместная борьба с терроризмом на территории Сирии и Ирака. На Дальнем Востоке приоритетной задачей для России и США может стать урегулирование споров по морским пространствам. В Центральной Азии сторонам важно определить формат взаимодействия по выводу войск США из Афганистана и перспективам взаимодействия Вашингтона с ШОС.

американских отношений на 90% пока ограничена контролем над вооружениями. Материально-техническая основа мало отличается от советско-американских отношений 1980-х гг., и это – главное психологическое разочарование последних 20 лет.

Возникают три сценария развития двусторонних отношений после 2016 г.:

- негативный, предполагающий демонтаж «перезагрузки» и возвращение к «малой конфронтации» России и США образца 2007–2008 гг.;
- стагнационный – двусторонние отношения ограничатся поиском компромисса в области контроля над вооружением;
- позитивный – стороны продолжают искать пути преодоления трудностей, возникших на переговорах по ПРО/СНВ, и разрабатывать позитивную повестку двусторонних отношений.

При этом позитивный сценарий не означает, что Россия и США откажутся от конфликтной модели взаимного ядерного сдерживания. Однако параллельно Москва и Вашингтон могут попытаться развивать стабилизирующие экономические связи. В этом смысле для Москвы не так уж важно, кто после 2016 г. будет у власти в Вашингтоне. И республиканец, и демократ будут стремиться к сокращению стратегических вооружений. И республиканец, и демократ вряд ли пойдут на серьезный компромисс по ПРО или ядерным вооружениям в Европе.

Ни республиканец, ни демократ не признают приоритетных российских интересов на территории бывшего СССР. И, наконец, ни республиканец, ни демократ не ослабят механизма американского военного присутствия в Европе. Разница будет в риторике и готовности выслушать противоположную сторону³⁶ [2– 4, 20, 23].

Выводы

1. Перспективы российско-американского диалога по вопросам региональной безопасности, прежде всего в Европе, во многом зависят от решения проблем обеспечения стратегической стабильности и взаимного стратегического сдерживания.
2. На Ближнем Востоке ключом для активизации российско-американского диалога по вопросам региональной безопасности может стать совместная борьба с терроризмом на территории Сирии и Ирака.
3. На Дальнем Востоке и в Арктике приоритетной задачей активизации российско-американского диалога по вопросам региональной безопасности может стать урегулирование споров по морским пространствам и экономическое взаимодействие в освоении акваторий Северного Ледовитого и Тихого океанов.
4. В Центральной Азии и на постсоветском пространстве сторонам важно определить формат взаимодействия по выводу войск США из Афганистана и перспективам взаимодействия Вашингтона с ШОС и ОДКБ.

³⁶ Фесенко А. Перспективы развития российско-американских отношений. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1529#top-content; Ramsfeld D.H. Annual Report to the President and the Congress. Washington, 2002; Rosefelde S. Russia in the 21st Century: The Prodigal Superpower. Cambridge University Press, 2005. 244 p.; Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past / Ed. by Robert Legvold. N.Y.: Columbia University Press, 2007. 534 p.

Список литературы

1. *Александров О.Б.* Лабиринты арктической политики // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 4. С. 114–123.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2002.
3. *Бжезинский З.* Повестка дня для НАТО // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 4. С. 92–113.
4. *Богатуров А.Д.* Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 6. С. 80–97.
5. *Васильев Е.Д.* Центральназиатский перекресток // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 1. С. 126–135.
6. *Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г.* Оценка уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии: монография. М.: ИДВ РАН, 2013. 88 с.
7. *Гордиенко Д.В., Гордиенко В.Н.* Ближневосточный регион: анализ военно-политической обстановки, оценка экономических возможностей государств и характеристика вооруженных сил: монография. Тверь: ВА ВКО, 2011. 100 с.
8. *Давыдов А.С.* Пекин. Вашингтон. Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники: монография. М.: ИДВ РАН, 2015. 400 с.
9. *Джангир Арас.* Четвертая мировая война. Информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам. М.: Астель, АСТ, Транзиткнига, 2003. 702 с.
10. *Евсеев В.В.* Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани: монография. М.: Институт Ближнего Востока РАН, 2013. 225 с.
11. *Злобин Н.* Ограниченные возможности и возможные ограничения. Россия и США: что дальше? // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 6. С. 98–113.
12. *Иванов И.С.* Международная безопасность в эпоху глобализации // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 1. С. 36–47.
13. Иран в современном мире / под общ. ред. Е.М. Кожохина. М.: РИСИ, 2003. 259 с.
14. *Лавров С.В.* Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 6. С. 8–16.
15. *Михайлов С.А.* США и Закавказье: политика Вашингтона и смена элит в регионе. В кн.: Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. Аналитический альманах. Вып. 17. М.: РИСИ, 2006. С. 117–212.
16. *Михайлов С.А.* Российско-американские отношения в предвыборной платформе демократов. В кн.: Политика в XXI веке: вызовы и реалии. Аналитический альманах. Вып. 10. М.: РИСИ, 2009. С. 5–29.
17. *Обама Б.* Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб: Азбука-классика, 2008.
18. *Орешников А.М.* Северная ледовитая дипломатия // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 4. С. 124–137.
19. *Караганов С.А.* Перенастройка, а не «перезагрузка». Как расширить и дополнить предложения Барака Обамы // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 4. С. 60–72.
20. *Примаков Е.М.* Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002. 190 с.
21. *Стародубов В.П.* Россия – США. Глобальная зависимость. М.: Молодая гвардия, 2004. 249 с.

22. *Таларая Г.Д.* Корейский тупик и «Большой проект» Северотихоокеанской системы сотрудничества. В кн.: Восточная и Юго-Восточная Азия – 2008: экономическое развитие в условиях мирового кризиса. М.: ИЭ РАН, 2009. С. 192–211.
23. *Тищенко Г.Г.* Повышение экономической эффективности военного строительства в США. М.: РИСИ, 2004. 397 с.
24. *Тищенко Г.Г.* Создание систем противоракетной обороны за рубежом и безопасность России. М.: РИСИ, 2005. 416 с.
25. *Федорович В.А., Муравник В.Б., Бочкарёв О.И.* США. Военная экономика: монография. М.: Международные отношения, 2013.

PROSPECTS OF THE RUSSIAN-U.S. DIALOGUE ON REGIONAL SECURITY ISSUES

Dmitrii V. GORDIENKO

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
gordienko@ane.ru

Article history:

Received 21 January 2016
Received in revised form
25 January 2016
Accepted 29 January 2016

JEL classification: F50, F51, F53

Keywords: regional security,
Russian-U.S. dialogue, global
security

Abstract

Importance The article discusses prospects of the Russian-U.S. dialogue on regional security issues. The 2014 political events in the western borders of Russia made almost all countries think of adjusting their long-term social, political and economic development.

Objectives The research reviews the Russian-U.S. relationships as the basis for dialogue on regional efficiency issues, and identifies how this dialogue can be improved for purposes of social, political and economic development of the USA, Russia and other countries.

Methods The research analyzes the Russian-U.S. dialogue, prospects of the Russian-U.S. relationships, and their future scenarios up to 2020, and regional security issues. Using methods of political analysis, I evaluated prospects for ensuring regional security in Europe, Middle East, Central Asia and Asia-Pacific region, post-Soviet area and the Arctic.

Results I propose an approach to evaluating the existing models for developing the Russian-U.S. relationships so to resolve regional security issues in Europe, Middle East, Central Asia and Asia-Pacific region under contemporary circumstances.

Conclusions and Relevance As Russia is implementing its the Eurasian mission, it is still critical to ensure regional security in Europe, Middle East, Central Asia and Asia-Pacific region, post-Soviet area and the Arctic. The Russian-U.S. dialogue may become a possible tool to ensure regional security in the current circumstances.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

References

1. Aleksandrov O.B. [Mazes of the Arctic policy]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2009, vol. 7, no. 4, pp. 114–123. (In Russ.)
2. Brzeziński Z. *Velikaya shakhmatnaya doska* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2002.
3. Brzeziński Z. [An Agenda for NATO]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2009, vol. 7, no. 4, pp. 92–113. (In Russ.)
4. Bogaturov A.D. [Origins of the American behavior]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2004, vol. 2, no. 6, pp. 80–97. (In Russ.)
5. Vasil'ev E.D. [A crossroad of Central Asia]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2003, vol. 1, no. 1, pp. 126–135. (In Russ.)
6. Gordienko D.V., Luzyanin S.G. *Otsenka urovnya bezopasnosti stran Severo-Vostochnoi i Tsentral'noi Azii: monografiya* [Evaluating the security level in countries of the Northwest and Central Asia: a monograph]. Moscow, IFE RAS Publ., 2013, 88 p.
7. Gordienko D.V., Gordienko V.N. *Blizhnevostochnyi region: analiz voenno-politicheskoi obstanovki, otsenka ekonomicheskikh vozmozhnostei gosudarstv i kharakteristika vooruzhennykh sil: monografiya* [The Middle East: an analysis of the military and political situation, evaluation of States' economic opportunities and description of armed forces: a monograph]. Tver, VAVKO Publ., 2011, 100 p.
8. Davydov A.S. *Pekin. Vashington. Moskva: vzaimootnosheniya v kontekste transformatsii global'noi arkhitektoniki: monografiya* [Beijing. Washington. Moscow: relationships and transformation of global architectonics: a monograph]. Moscow, IFE RAS Publ., 2015, 400 p.
9. Aras J. *Chetvertaya mirovaya voina. Informatsiono-analiticheskii spravochnik po negosudarstvennym voenizirovannym sistemam* [World War IV. Reference and analytical guide on non-governmental military systems]. Moscow, Astel', AST, Tranzitkniga Publ., 2003, 702 p.

10. Evseev V.V. *Perspektivy iranskoj yadernoi programmy pri prezidente Khasane Roukhani: monografiya* [Prospects of the Iranian nuclear program during the rule of President Hassan Rouhani: a monograph]. Moscow, IME RAS Publ., 2013, 225 p.
11. Zlobin N. [Limited capabilities and probable limitations]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2004, vol. 2, no. 6, pp. 98–113. (In Russ.)
12. Ivanov I.S. [International security in the era of globalization]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2003, vol. 1, no. 1, pp. 36–47. (In Russ.)
13. *Iran v sovremennom mire* [Iran in the modern world]. Moscow, RISI Publ., 2003, 259 p.
14. Lavrov S.V. [Democracy, international governance, and the future world order]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2004, vol. 2, no. 6, pp. 8–16. (In Russ.)
15. Mikhailov S.A. *SShA i Zakavkaz'e: politika Vashingtona i smena elit v regione. V kn.: Novaya Evraziya: Rossiya i strany blizhnego zarubezh'ya. Analiticheskii al'manakh. Vyp. 17* [The USA and Transcaucasus: the Washington policy and change of elites in the region. In: New Eurasia: Russia and States of the former Soviet Union. Analytical almanac. Issue 17]. Moscow, RISI Publ., 2006, pp. 117–212.
16. Mikhailov S.A. *Rossiisko-amerikanskije otnosheniya v predvybornoi platforme demokratov. V kn.: Politika v XXI veke: vyzovy i realii. Analiticheskii al'manakh. Vyp. 10* [The Russian and American relationships in the election platform of democrats. In: Politics in the 21st century. Analytical almanac. Issue 10]. Moscow, RISI Publ., 2009, pp. 5–29.
17. Obama B. *Derzost' nadezhdy. Mysli o vozrozhdenii amerikanskoi mechty* [The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008.
18. Oreshnikov A.M. [The Northern Arctic diplomacy]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2009, vol. 7, no. 4, pp. 124–137. (In Russ.)
19. Karaganov S.A. [Reconfiguring, rather than 'reset'. How to extend and complement Barack Obama's proposals]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2009, vol. 7, no. 4, pp. 60–72. (In Russ.)
20. Primakov E.M. *Mir posle 11 sentyabrya* [The World after 9/11]. Moscow, Mysl' Publ., 2002, 190 p.
21. Starodubov V.P. *Rossiya – SShA. Global'naya zavisimost'* [Russia – the United States. Global addiction]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2004, 249 p.
22. Talaraya G.D. *Koreiskii tupik i 'Bol'shoi projekt' Severotikhookeanskoi sistemy sotrudnichestva. V kn.: Vostochnaya i Yugo-Vostochnaya Aziya – 2008: ekonomicheskoe razvitie v usloviyakh mirovogo krizisa* [The Korean deadlock and the Grand Project of the Northern Pacific system of cooperation. In: Eastern and Southeast Asia 2008: economic development amid global crisis]. Moscow, IE RAS Publ., 2009, pp. 192–211.
23. Tishchenko G.G. *Povyshenie ekonomicheskoi effektivnosti voennogo stroitel'stva v SShA* [Increasing the economic efficiency of military construction in the United States]. Moscow, RISI Publ., 2004, 397 p.
24. Tishchenko G.G. *Sozdanie sistem protivoraketnoi oborony za rubezhom i bezopasnost' Rossii* [Deployment of the missile defense systems abroad and Russia's security]. Moscow, RISI Publ., 2005, 416 p.
25. Fedorovich V.A., Muravnik V.B., Bochkarev O.I. *SShA. Voennaya ekonomika: monografiya* [The USA: war economy: a monograph]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2013.